

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

Леонид МЛЕЧИН

СМЕРТЬ СТАЛИНА

ЛЕНИН
СТАЛИН

Леонид Михайлович Млечин

Смерть Сталина

Серия «Вспомнить всё»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38620752

Смерть Сталина. / Л. Млечин. – М.: АО «Издательский дом «», . – :

Аргументы недели; Москва; 2018

ISBN 978-5-6040606-5-0

Аннотация

После смерти Сталина даже в высшем руководстве страны ходили зловещие слухи. И по сей день многие уверены, что Иосифа Виссарионовича убили. Версий множество. Одна фантастичнее и абсурднее другой. Но характерно: убийцу Сталина ищут среди его ближайшего окружения. Так все-таки умер или убит? А если убит, то кто мог это сделать? И что было бы со страной, потерявшей вождя, если бы победил не Хрущев, а Берия?..

Содержание

Часть I	4
Три версии	4
Ночной велосипедист	28
Сталинский стиль	40
Искусство быть вождем	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Леонид Млечин Смерть Сталина

Часть I Умер или убит?

Три версии

В тот мартовский день у тела вождя Василий Сталин первым закричал, что отца убили. Детей Сталина Светлану и Василия привезли на ближнюю дачу в Кунцево 2 марта.

«В доме было не как обычно, — вспоминала Светлана, — вместо привычной тишины, глубокой тишины, кто-то бегал и суеился...

В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного (акаде-

мик В.Н. Виноградов, много лет наблюдавший отца, сидел в тюрьме), ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни. Все делалось как надо. Все суетились, спасая жизнь, которую уже нельзя было спасти».

У Сталина был инсульт. Он потерял речь. Правая половина тела была парализована. Несколько раз он открывал глаза, все бросались к нему, но неизвестно, узнавал ли он кого-то.

Василий был сильно пьян. Он ушел в помещение охраны, еще выпил и кричал, что отца убили.

Так думал не он один.

Даже в высшем руководстве страны ходили зловещие слухи. Одни говорили, что Сталина сразил инфаркт, другие – что его разбил паралич, третьи были уверены, что Сталина отравили.

Министерство государственной безопасности в те мартовские дни составляло отчеты о настроениях в связи с болезнью Сталина. Отчет о настроениях в вооруженных силах, датированный 5 марта 1953 года, рассекречен:

«В тяжелой болезни т. Сталина виновны те же врачи-убийцы. Они дали т. Сталину отравляющие лекарства замедленного действия».

«У т. Сталина повышенное давление, а его враги направляли на юг лечиться. Это тоже, видимо, делали врачи».

«Возможно, т. Сталин тоже отравлен. Настала тяжелая жизнь, всех травят, а правду сказать нельзя. Если не выздоровеет т. Сталин, то нам надо пойти на Израиль и громить евреев».

Впрочем, нашлись и тогда люди, которые говорили: «Туда ему и дорога». Этих людей было дано указание арестовать.

И по сей день многие уверены, что Сталина убили. Версий множество.

Версия первая, наиболее популярная.

Сталина убил Лаврентий Павлович Берия. Он знал, что Сталин готовится его устранить, и опередил вождя.

Берия будто бы заранее убрал всех преданных Сталину людей, в частности его помощника Поскребышева и начальника охраны генерала Власика, и окружил вождя своими людьми.

Берия же посадил в тюрьму личного врача Сталина, специально ради этого организовал «дело врачей», а другим медикам вождь не доверял, не подпускал их к себе. И в нужный момент Берия приказал сотруднику Главного управления охраны Министерства госбезопасности Хрусталеву сделать Сталину смертельный укол.

Версия вторая.

Сталина убил Лазарь Моисеевич Каганович, потому что Сталин хотел выслать всех евреев в Сибирь.

Во время бурного разговора на даче Каганович потребовал объективно расследовать «дело врачей», возник скандал. Сталин хотел вызвать охрану, но присутствовавший при беседе Анастас Иванович Микоян не дал ему нажать на кнопку звонка. У Сталина случился припадок, и он умер на глазах у своих соратников.

Есть *другой вариант этой версии*. Каганович сделал свою племянницу Розу любовницей вдовца Сталина, и она по указанию Лазаря Моисеевича подменила таблетки в аптечке вождя.

Версия третья.

В кабинете Сталина стоял электрический чайник, в который любой из членов президиума ЦК (политбюро переименовали в президиум на XIX съезде в 1952 году) мог подсыпать яда. Проводив товарищей, Сталин решил попить чаю, а выпил отраву.

Когда Хрущев и другие вернулись утром, Сталин еще был жив. Увидев Сталина на полу, они стали его душить. И добились старика. А всех сотрудников госбезопасности, охранявших дачу, расстреляли, чтобы никто не узнал...

Одна версия фантастичнее и абсурднее другой. Но характерно: убийцу Сталина ищут среди его ближайшего окружения, то есть бессознательно воспринимают тогдашнее руководство страны как шайку преступников, ненавидящих друг друга и способных на все. Это эмоциональное восприятие

недалеко от истины.

Все послевоенные годы для кремлевских обитателей прошли в бесконечных интригах, иногда со смертельным исходом.

Члены высшего партийного руководства постоянно менялись местами – в зависимости от часто менявшегося настроения Сталина, который постоянно раскладывал этот кадровый пасьянс.

Вождь постарел, устал и очевидно терял интерес к делам.

Нуритдин Акрамович Мухитдинов, который в апреле 1951 года был утвержден председателем Совета министров Узбекистана, вспоминал, как он сам позвонил Сталину. Снял трубку аппарата междугородней правительственной связи, заказал Москву и соединился с Поскребышевым. Мухитдинов представился и сказал, что он вступил в исполнение обязанностей главы республиканского правительства.

Поскребышев сухо ответил:

– Знаем. Поздравляем.

– Хотел бы информировать об этом товарища Сталина.

– Доложу, – буркнул Поскребышев и повесил трубку.

Через три дня в шесть вечера Мухитдинову позвонили по ВЧ. Сотрудники отдела правительственной связи Министерства госбезопасности проверили, хорошо ли слышно, и предупредили – позвонят из Кремля. Ему звонили еще не раз, проверяя, на месте ли Мухитдинов. Министр связи Узбекистана предупредил:

– Вам будет важный звонок. Прослежу лично.

Минут через десять – новый звонок. Спросили, нет ли в кабинете посторонних, предупредили: при разговоре никто не должен присутствовать. Мухитдинов вызвал помощника и велел никого к нему не пускать и дверь не открывать. Сам закрыл все окна и стал ждать.

Наконец долгожданный звонок. Телефонист:

– Соединяю с товарищем Поскребышевым.

Тот вновь уточнил:

– Слышимость хорошая? Сейчас с вами будет говорить товарищ Сталин.

Мухитдинов встал. В трубке раздался тихий голос:

– Товарищ Мухитдинов?

– Да, здравствуйте, товарищ Сталин.

– Здравствуйте. Приступили к работе?

– Да.

– Как идут дела?

Мухитдинов стал быстро докладывать. Когда сделал паузу, Сталин сказал:

– Желаю успеха.

И повесил трубку.

«Разговор-то продолжался всего две-три минуты, – вспоминал Мухитдинов, – он произнес буквально четыре-пять слов, а я до сих пор не могу прийти в себя, я впервые в жизни разговаривал с самим Сталиным, слышал его голос, отвечал на вопросы. Он пожелал успеха!»

С другими республиканскими руководителями вождь вообще отказывался разговаривать. Особенно ему не хотелось говорить о чем-то неприятном, вникать в проблемы.

Николай Семенович Патоличев, который в мае 1946 года был избран секретарем ЦК и возглавил управление по проверке партийных кадров, вспоминал, как ему позвонил Сталин.

– Ко мне на прием, – сказал вождь, – попросились руководители Молдавии. Они хотят доложить что-то важное. Я разрешил им приехать в Москву, и они приехали. Но не имею времени их принять. Поручаю вам – примите их, разберитесь как следует и к утру дайте предложения. Говорят, что-то у них очень плохо.

Что именно «плохо», Сталин не стал уточнять, хотя прекрасно знал ситуацию в Молдавии: республика умирала от голода. Ему просто не хотелось заниматься неприятным делом, хотя речь шла о судьбе целой республики. И это прекрасно чувствовали в аппарате.

Поручения вождя исполнялись немедленно, если Сталин давал их кому-то лично. Все остальные идеи и указания повисали в воздухе, самое невинное поручение пытались спихнуть на кого-то другого. Полное отсутствие инициативы и самостоятельности было возведено в принцип государственного управления: ничего не решать без товарища Сталина!

– Мы, секретари ЦК, – говорил на совещании Алексей Александрович Кузнецов, – очень многих вопросов не ре-

шаем самостоятельно, в этих вопросах мы между собой советуемся и очень часто ставим выше, перед товарищем Сталиным, и по каждому вопросу получаем указания, а вы чересчур самостоятельно решаете.

Партийно-государственный аппарат не работал, а занимался интригами и следил за постоянно менявшейся расстановкой сил наверху.

Аверкий Борисович Аристов стал секретарем ЦК в 1952 году. Он потом рассказывал:

– Сталин вызывал нас, молодых секретарей, и только речи нам произносил. Ничего конкретного мы тогда не делали.

Секретари в приемной вождя отметили, что в 1947 году двери сталинского кабинета распахнулись тысячу двести раз, чтобы принять посетителя. В 1950-м – только семьсот. В 1951-м – пятьсот. В 1950 году состоялось шесть официальных заседаний политбюро, в 1951-м – всего четыре.

Когда Сталин на последнем при его жизни – XIX съезде партии набрал в президиум ЦК неожиданно много новых людей, это означало, что он хотел к ним присмотреться. Он собирал новичков, беседовал с ними, объяснял, как должен действовать секретарь ЦК, каковы обязанности члена президиума. Он готовился заменить ими старое руководство. Его соратники понимали, что им уготована не персональная пенсия, а арест и смерть.

Возраст и состояние здоровья не позволяли Сталину полноценно работать. Но снимать и назначать он еще мог.

Ни один самый близкий ему человек не мог быть уверен в его расположении. Не Берия лишил вождя ближайших сотрудников, а сам Сталин избавился от таких верных ему слуг, как генерал Власик, начальник его личной охраны, и Поскребышев, который был его помощником почти тридцать лет. Отстранил обоих, поскольку подозревал, что они делились информацией о жизни вождя с Берией. А Сталин этого не хотел.

Утечка информация о его личной жизни приводила Иосифа Виссарионовича в бешенство.

Вождь, которого окружение смертельно боялось, все последние годы сам жил в постоянном страхе.

– Сталин боялся покушений, – рассказывал мне профессор Владимир Павлович Наумов, разбиравший сталинские документы. – Зная это, следователи госбезопасности на всех процессах, даже над школьниками, включали в обвинительное заключение подготовку террористического акта против вождя. Если можно было организовать убийство Троцкого, то почему кто-то не возьмется организовать убийство Сталина? Поэтому в последние годы на даче в Волынском он сменил всю охрану и прислугу, за исключением трех человек. Он хотел убрать людей, связанных с теми, кого он выгнал, ведь они могли затаить ненависть и отомстить.

Адмирал Иван Степанович Исаков рассказывал писателю Константину Симонову, как однажды он удостоился чести ужинать у Сталина в Кремле.

«Шли по коридорам, на каждом повороте охранник, деликатно отступающий в проем, как бы упуская из глаз проходящих, но на самом деле передающий их за поворотом глазам другого охранника, который стоит у другого поворота и в свою очередь... Не по себе мне стало, я возьми и брюкни:

– Скучно туту вас...

– Почему скучно?

– Да вот – за каждым углом...

– Это вам скучно, а мне не скучно: я иду и думаю, кто из них мне в затылок выстрелит...»

В 1951 году, когда Сталин в последний раз ездил в отпуск, жил в Новом Афоне, он пригласил к себе Хрущева, который тоже отдыхал в Сочи, и Микояна, обосновавшегося в Сухуми. Гостям совместный отдых с престарелым вождем не очень понравился. Хрущев и Микоян вставали рано, гуляли и ждали, пока проснется Сталин. Однажды он вышел из дома, без интереса посмотрел на поджидавших его гостей и вдруг сказал:

– Пропавший я человек. Никому не верю. Сам себе не верю.

По словам Хрущева, они с Микояном буквально онемели и ничего не смогли промолвить в ответ. Да Сталин и не ждал ответа. Это было продолжение какого-то сложного разговора с самим собой.

Внешних признаков недомогания у него не было, вспоминал Дмитрий Трофимович Шепилов, который был тогда

главным редактором «Правды». Сталин по-прежнему полночи проводил за трапезой. Не ограничивая себя, ел жирные блюда. Пил одному ему ведомые смеси из разных сортов коньяка, вин и лимонада. Все считали, что он здоров.

Но близкие к нему люди не могли не замечать его странностей. В разгар веселого ужина вождь вдруг вставал и деловым шагом выходил из столовой в вестибюль. Оказавшись за порогом, он круто поворачивался и, стоя у прикрытой двери, напряженно и долго вслушивался: о чем без него говорят. Уловка не имела успеха. Все знали, что Сталин стоит за дверью и подслушивает.

Сталин подозрительно всматривался во всякого, кто по каким-то причинам был задумчив и невесел. Почему он задумался? Что за этим кроется? Сталин требовал, чтобы все присутствующие были веселы, пели и даже танцевали, но только не задумывались. Положение было трудное, так как, кроме Микояна, никто из членов президиума танцевать не умел, но, желая потрафить хозяину, все пытались импровизировать.

С годами подозрительность, маниакальные представления у Сталина явно нарастали. Терзаемый страхами, Сталин обычно ночь проводил за работой: просматривал бумаги, писал, читал. Перед тем как лечь спать, он подолгу стоял у окна: нет ли на земле человеческих следов, не подходил ли кто-то чужой к дому? В последнюю зиму даже запрещал сгребать снег – на снегу скорее разглядишь следы.

Одержимый страхом, иногда ложился спать не раздеваясь. И всякий раз в другой комнате: то в спальне, то в библиотеке, то в столовой. Задавать вопросы никто не решался, поэтому ему стелили сразу в нескольких комнатах.

При выездах с дачи в Кремль и обратно Сталин сам назначал маршрут движения и постоянно менял его.

– Сталин существовал в мире уголовных преступников, – рассказывал профессор Наумов. – Если он убивал, то почему же его не могли убить? Он и у себя на даче за столом не спешил чем-то угоститься. Каждое блюдо кто-нибудь должен был попробовать. Считалось, что это проявление заботы о госте.

Еще в тридцатые годы Сталин, отдыхая на юге, вдруг спросил одного из своих лечащих врачей – Мирона Григорьевича Шнейдеровича:

– Доктор, скажите, только говорите правду, будьте откровенны: у вас временами появляется желание меня отравить?

От испуга и растерянности доктор не знал, что ответить. Посмотрев на него внимательно и убедившись, что этого человека ему опасаться не следует, Сталин добавил:

– Я знаю, вы, доктор, человек робкий, слабый, никогда этого не сделаете. Но у меня есть враги, которые на это способны...

В последние годы он у себя в комнате запирался изнутри. На его даче постоянно появлялись все новые запоры и задвижки. Вокруг столько охраны, а он боялся...

«Я был свидетелем такого факта, – вспоминал Никита Сергеевич Хрущев. – Сталин пошел в туалет. А человек, который за ним буквально по пятам ходил, остался на месте. Сталин, выйдя из туалета, набросился при нас на этого человека и начал его распекать:

– Почему вы не выполняете своих обязанностей? Вы охраняете, так и должны охранять, а вы тут сидите, развалившись.

Тот оправдывался:

– Товарищ Сталин, я же знаю, что там нет дверей. Вот тут есть дверь, так за нею как раз и стоит мой человек, который несет охрану.

Но Сталин ему грубо:

– Вы со мной должны ходить.

Но ведь невероятно, чтобы тот ходил за ним в туалет. Значит, Сталин даже в туалет уже боялся зайти без охраны...»

Официальных заседаний бюро президиума ЦК Сталин не проводил. Когда он ближе к вечеру приезжал с дачи в Кремль, то приглашал всех в кинозал. Они смотрели один-два фильма, а попутно что-то обсуждали.

«После кино Сталин, – писал Хрущев, – как правило, объявлял, что надо идти покушать. В два или в три часа ночи, все равно, у Сталина всегда это называлось обедом. Сиделись в машины и ехали к нему на ближнюю дачу. Там продолжалось «заседание», если так можно сказать...»

В машину со Сталиным обычно садились Берия и Мален-

ков. Хрущев ехал вместе с Булганиным. Кавалькада вдруг меняла привычный маршрут и уходила куда-то в сторону. Радиосвязи между машинами не было, и Хрущев с Булганиным недоумевали.

Хрущев спрашивал потом тех, кто садился со Сталиным:

– Чего вы петляли по переулкам?

Они отвечали:

– Ты нас не спрашивай. Не мы определяли маршрут. Сталин сам называл улицы. Он, видимо, имел при себе план Москвы и намечал маршрут, и когда выезжали, то говорил: повернуть туда, повернуть сюда, ехать так-то, выехать туда-то... Он даже охране заранее не говорил, каким поедет маршрутом, и всякий раз его менял...

«Потом, – вспоминал Хрущев, – мы злословили между собой, когда приезжали на ближнюю дачу, что там в дверях и воротах усиливаются запоры. Появлялись всякие новые задвижки, затем чуть ли не сборно-разборные баррикады. Ну кто же может к Сталину зайти на дачу, когда там два забора, а между ними собаки бегают, проведена электрическая сигнализация и имеются прочие средства охраны?...»

Одиночества вождь не переносил, поэтому коротал вечера в компании членов президиума ЦК. Но и им не очень доверял.

«Он делал так, – вспоминал Анастас Микоян, – поставит новую бутылку и говорит мне или Берию:

– Вы, как кавказцы, разбираетесь в винах больше других.

Попробуйте, стоит ли пить это вино?

Я всегда говорил, хорошее вино или плохое, – нарочно пил до конца. Берия тоже. Каждое новое вино проверялось таким образом. Я думал: почему он это делает? Ведь самое лучшее – ему самому попробовать вино и судить, хорошее оно или плохое. Потом мне показалось, и другие подтвердили, что таким образом он охранял себя от возможности отравления: ведь винное дело было подчинено мне, а бутылки присылал Берия, получая из Грузии. Вот на нас он и проверял».

Официантки ставили закуски на один стол, а разнообразные супы – на другой. Каждый выбирал себе, что хотел. Во время обеда обсуждались политические вопросы.

Поздний обед превращался в тяжелую пьянку.

«Сталин заставлял нас пить много, – писал Миякон, – видимо, для того, чтобы наши языки развязались, чтобы не могли мы контролировать, о чем надо говорить, о чем не надо...»

Бывало, часа два посидим, и уже хочется разойтись. Но он заводил беседу, задавал вопросы на деловые темы. Обычно все проходило нормально, но иногда он, не сдерживая себя, горячился, грубил, нападал на тех или других товарищей».

Может, ему нравилось видеть своих соратников пьяненькими и жалкими. А может, он верил в то, что пьяный человек обязательно выболтает свои потаенные мысли.

Однажды Анастас Микоян, вынужденный выпить конья-

ка, вышел в соседнюю комнату, прилег и поспал. Он вернулся в столовую бодрый и свежий. Когда его хитрость раскрылась, Сталин зло произнес:

– Ты что? Хочешь быть всех умнее? Можешь потом сильно пожалеть.

Вождь не терпел, когда кто-то пытался остаться трезвым. Еще до войны, в январе 1941 года, после очередного заседания политбюро он, будучи в хорошем настроении, пригласил всех на кремлевскую квартиру и устроил ужин.

«Сидели у т. Сталина часов до семи утра, – вспоминал нарком тяжелого машиностроения Вячеслав Александрович Малышев. – Пели песни, разговаривали. Тов. Сталин много рассказывал о своей жизни и в частности провозгласил тост «за стариков, охотно передающих власть молодым, и за молодых, охотно принимающих власть».

Я старался пить вина поменьше, т. Сталин заметил мой «маневр» и говорит:

– Э-э... машиностроители малолитражками пьют! Не годится!

Взял два рога, подошел ко мне, налил в рога вина и предложил с ним выпить. Выпили. От такой «порции» у меня все кругом пошло. А т. Сталин смеется и говорит:

– Он хитрый парень, хитрый!

Сталин и раньше любил хорошо поесть, но теперь он проявлял такую прожорливость, словно боялся, что ему не достанется любимое блюдо...»

Он любил дунайскую сельдь, копченого рыбца, цесарок, уток, отварных перепелов, цыплят, с удовольствием ел тонкие ребра барашка, приготовленные на вертеле... Стол ломился от снеди.

Бывший генеральный секретарь ЦК Компартии Венгрии Матьяш Ракоши, который после отставки много лет жил в Советском Союзе, вспоминал:

«Каждый обслуживал себя сам, в том числе и Сталин, который с любопытством приподнимал крышки блюд и обращал мое внимание на то или иное кушанье.

По вечерам Сталин даже выпивал. Я нередко наблюдал, как из длинной, не подходящей для шампанского рюмки он мелкими глотками пил красное цимлянское вино или шампанское. Но этот процесс у Сталина был похож на то, как он курил, значительно больше времени тратя на распечатывание папирос «Герцеговина», набивку трубки и на постоянное ее прикуривание, чем на сам процесс курения...

Обстановка на таких ужинах была непринужденной, рассказывались анекдоты, нередко даже сальные, под громкий смех присутствующих...

Когда после трех часов утра Сталин вышел из комнаты, я заметил членам политбюро:

– Сталину уже семьдесят три года, не вредят ли ему подобные ужины, затягивающиеся до поздней ночи?

Товарищи успокоили меня, говоря, что Сталин знает меру. Действительно, Сталин вернулся, но через несколько ми-

нут встал, и компания начала расходиться».

В отсутствие иностранных гостей тяжелые застолья заканчивались чем-то непотребным. Перепившиеся члены политбюро швыряли спелые помидоры в потолок и хохотали как сумасшедшие. Первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, любимец Сталина, рассказывал, как побывал на даче у вождя:

— По ходу застолья отошел что-то положить в тарелку, вернулся и чувствую, что сел в нечто мягкое и скользкое. Обомлел, не шевелюсь. Все уже курят на террасе, а я остался за столом один.

Его позвал Сталин. Пономаренко робко объяснил:

— Я во что-то сел.

Сталин взял его за локоть и поднял. Позвал Берию:

— Лаврентий, иди сюда. Когда ты кончишь свои дурацкие шутки? Зачем подложил Пономаренко торт?

Судя по тому, что Сталин продолжал приглашать Берию к себе на дачу, эти шутки вождя развлекали.

Один из министров с ужасом вспоминал, как однажды в Сочи после доклада Сталин оставил его обедать, а затем пригласил сразиться на бильярде. Тот выиграл три партии подряд. Сталин посмотрел на него тяжелым взором и сказал:

— Правильно мне докладывают, что вы плохо строительством руководите. Все шары катаете!

У министра сердце ушло в пятки, и он стал проигрывать. Тут Сталин и говорит:

– И строительством плохо руководите, и в бильярд играть не умеете...

Тот думал, что его прямо сейчас арестуют. Этот министр, кстати говоря, умер сравнительно молодым.

Иногда шутки вождя носили более безобидный характер.

Однажды, когда в стране шла навязанная вождем дискуссия о проблемах языкознания, Сталин позвонил главному редактору «Правды» Леониду Федоровичу Ильичеву:

– Ильичев?

– Да, товарищ Сталин.

– У вас готова газета с листком по языкознанию?

– Уже готова, товарищ Сталин.

– Давайте приезжайте ко мне на ближнюю дачу.

– Немедленно выезжаю.

Через две минуты звонит опять:

– Нет, лучше в ЦК.

ЦК партии располагался на Старой площади. Сталин еще с довоенных времен сидел в Кремле, но, видимо, полагал, что ЦК там, где он находится.

Эту историю Ильичев рассказал правдисту Валерию Ивановичу Болдину (который стал помощником Горбачева). Сталин стал нахваливать Ильичеву некоего молодого автора:

– Он просто гений. Вот он написал статью, она мне понравилась, приезжайте, я вам покажу. Сколько у нас молодых и талантливых авторов в провинции живет, а мы их не знаем. Кто должен изучать кадры, кто должен привлечь хороших

талантливых людей с периферии?

Когда Ильичев приехал, вождь в одиночестве прогуливался по кабинету. Дал рукопись. Ильичев быстро ее прочитал, дошел до последней страницы. Внизу подпись автора – И. Сталин.

Ильичев с готовностью произнес:

– Товарищ Сталин, мы немедленно останавливаем газету, будем печатать эту статью.

Сталин сам радовался тому, как разыграл главного редактора «Правды».

– Смешно? – спросил он. – Ну что, удивил?

– Удивили, товарищ Сталин.

– Талантливый молодой человек?

– Талантливый, – согласился Ильичев.

– Ну что же, печатайте, коли так считаете, – сказал довольный вождь.

На следующий день «Правда» вышла со статьей «Марксизм и языкознание». Потом ее пришлось изучать всей стране.

Никита Сергеевич Хрущев описал, как вождь встречал свой последний в жизни Новый год на ближней даче:

«Сталин был в хорошем настроении, поэтому сам пил много и других принуждал. Затем он подошел к радиоле и начал ставить пластинки. Слушали оркестровую музыку, русские песни, грузинские. Потом он поставил танцевальную музыку, и все начали танцевать.

У нас имелся «признанный» танцор – Микоян, но любые его танцы походили один на другой, что русские, что кавказские, и все они брали начало с лезгинки. Потом Ворошилов подхватил танец, за ним и другие. Лично я, как говорится, ног не передвигал. Булганин вытопывал в такт что-то русское. Сталин тоже передвигал ногами и расставлял руки. Я бы сказал, что общее настроение было хорошим.

Потом появилась Светлана. Приехала трезвая молодая женщина, и отец ее сейчас же заставил танцевать. Дочь стала упрямыться, и папаша Сталин от всей души оттащил ее за волосы...»

Спустя всего два месяца после столь веселого новогоднего праздника вождь скончался.

Многие годы говорят об отклонениях в психике Сталина. Некоторые историки и врачи уверены, что он был психически нездоров, что он страдал паранойей, манией преследования и этим объясняются массовые репрессии в стране, его беспредельная жестокость и безжалостность.

Ходили слухи, что в декабре 1927 года академик Владимир Михайлович Бехтерев нашел у Сталина паранойю, после чего скорострительно скончался.

Иван Михайлович Гронский, партийный работник, а затем редактор «Известий» и «Нового мира», вспоминал:

«В 1937 году, когда я лечился в клинике у И.Н. Казакова, Игнатий Николаевич сообщил мне по секрету, что подозревает у Сталина шизофрению».

На эту тему я беседовал с нашим крупнейшим психиатром Татьяной Борисовной Дмитриевой, академиком медицины, директором Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени Сербского.

— Дело в том, что мы самого Сталина никак, ни с какого конца, как говорится, не изучали, — говорит академик Дмитриева. — Но тем не менее есть записки психиатров, петербургских прежде всего, которые полагали, что Сталин страдал паранойей. Я считаю, что к этому надо относиться очень осторожно. Вообще трудно говорить о психопатологии у политиков. Даже если у какого-то политика есть те или иные психологические особенности, которые иногда кажутся патологическими, нельзя забывать, что за этим политиком идут, разделяя его воззрения, его систему ценностей, абсолютно здоровые люди. Поэтому я не стала бы говорить о том, что политика этого человека зависит только от особенностей его психики...

Странности, проявлявшиеся в характере Сталина, все-таки не были симптомами тяжелой душевной болезни; признать его душевнобольным — значит снять с него ответственность за все им совершенное.

Нет, он не был психически больным человеком. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что делает. Практически все его поступки были продиктованы трезвым и циничным расчетом.

Как выразился один из его подчиненных, Сталин на чув-

стве страха играл лучше, чем Паганини на скрипке.

Ведь как он давал задания? Или сроки были нереальными, или приказ был отдан так, что как ни выполни, все равно будешь виноват.

Французский генерал Шарль де Голль, познакомившийся со Сталиным во время войны, вспоминал: «Он был приучен жизнью, полной заговоров, скрывать подлинное выражение своего лица и свои душевные порывы, не поддаваться иллюзиям, жалости, искренности и видеть в каждом человеке препятствие или опасность. Молчал Сталин или говорил, его глаза были опущены, и он непрестанно рисовал карандашом какие-то иероглифы...»

Став главой государства, он думал о том, каким он предстает перед современниками и каким войдет в историю. Он надеялся перехитрить историю, и ему это почти удалось. Он тщательно очищал свою бронзовую шинель. Но вовсе изменить данные природой качества невозможно. И определенные особенности его психики действительно облегчили ему путь к абсолютной власти.

Члены высшего руководства, как пауки в банке, пытались утопить друг друга, чтобы удержаться или переместиться в освободившееся кресло повыше. И все они смертельно боялись Сталина, который держал в руках их жизни. В опалу мог попасть любой. У Сталина не было вечных привязанностей. Таким был его характер.

В новой России академическая наука добилась невероят-

ных успехов, восстанавливая национальную историю во всей ее сложности. История перестала быть официозной и приобрела человеческие черты. Но тектонические изменения в российской жизни девяностых годов XX столетия восприняты значительной частью общества как неудача и утрата привычного статуса. Словно исчезли основания гордиться собой.

Альтернатива обнаруживается не в будущем, а в прошлом. Не в реальном, а в идеальном. Вызывают восхищение вождь, могущество прежней власти. Многим кажется, что такой вождь нужен и сегодня. От вождя ждут не создания условий, которые бы открыли простор для самореализации и позволили добиться успеха в жизни, а отеческой заботы и избавления от всех проблем.

Вот почему интерес к Сталину не исчезает. Но существует отфильтрованный Сталин. Не тот, каким он был, а каким его хочется видеть. Все ненужное отсекается. И он превращается в символ высшей божественной власти. Остальные русские вожди до его уровня не дотягиваются. А ведь представляется немаловажным найти ответы на вопросы, которые столько десятилетий интересуют нашу страну. Почему именно Иосиф Виссарионович Сталин оказался во главе страны?

Ночной велосипедист

Самое знаменитое ограбление, совершенное в России в XX столетии, связано с именем Сталина, хотя его подлинная роль в этом преступлении так до конца и не выяснена.

Осуществил это ограбление человек, чьей смелостью, мужеством и изобретательностью многие десятилетия восторгались. О нем писали книги и снимали фильмы. Его ставили в пример молодежи. Хотя по справедливости его следовало бы считать одним из самых знаменитых международных террористов. В наше время его бы назвали убийцей и диверсантом.

Это Камо, руководитель боевой организации большевиков. Он осуществил несколько громких экспроприаций, которые сейчас назвали бы просто грабежами.

Самое знаменитое ограбление было организовано в Тифлисе в июне 1907 года. 13 июня тифлисская контора Государственного банка получила из Санкт-Петербурга по почте триста семьдесят пять тысяч рублей пятисотрублевыми ассигнациями.

Камо переоделся в офицера, его вооруженная группа человек в пятьдесят рассыпалась по всей Эриванской площади. Боевики были вооружены бомбами, изготовленными под руководством самого Камо. Когда готовили взрывчатку, у него в руках взорвался капсюль, глаз был поврежден.

Около одиннадцати утра на площадь выехали два экипажа: в первом сидел кассир Государственного банка, который вез деньги, во втором – четыре вооруженных солдата. Сопровождал их эскорт из пятидесяти казаков.

По команде Камо его люди взялись за оружие. В казаков полетели ручные бомбы. Кассир Государственного банка взрывом был выброшен из фаэтона. Испуганные лошади понесли, но Камо бросил им под копыта еще одну бомбу. Фаэтон опрокинулся, Камо схватил деньги и исчез.

В перестрелке три человека были убиты, около полусотни ранены. Боевики Камо захватили несколько сотен тысяч рублей – огромные в те времена деньги. Покупательная способность царского довоенного рубля была очень большой.

Тифлисский «экс» был своего рода шедевром политического терроризма начала XX века.

Все меры, принятые полицией, не дали никакого результата. Деньги временно спрятали под диваном директора Тифлисской обсерватории, где по странному стечению обстоятельств в качестве наблюдателя недолго трудился Сталин.

Камо – его подлинное имя Симон Аршакович Тер-Петросян – был земляком Сталина, он тоже родился в городе Гори Тифлисской губернии. Своего отца будущий террорист считал самодуром и деспотом. В семь лет Тер-Петросян отдали в армянскую школу, где ему пришлось очень трудно, потому что в семье говорили по-грузински. В одиннадцать лет он пошел в городское училище. Тут его заставляли учить рус-

ский язык, которого он совсем не знал и знать не хотел.

Его необузданная натура проявилась очень рано. В шестнадцать лет Тер-Петросяна исключили из училища за богохульство на уроке закона Божьего. Больше он учиться не захотел и уехал в Тифлис, где встретил своего земляка Сталина, который был на два года старше и уже познакомился с марксистскими идеями. Сталин стал его учителем.

Сталин называл себя Кобой. Он позаимствовал это имя из повести «Отцеубийца», написанной писателем-романтиком Александром Казбеги, происходившим из знатного рода. Коба – так звали одного из героев книги, бесстрашного и жестокого абрека, то есть разбойника. Все герои книги погибают, в живых остается один Коба. Так произошло и в жизни.

Тер-Петросян так и не научился хорошо говорить по-русски, слово «кому» он произносил как «камо». Сталин его и называл – «Камо». Прозвище закрепилось и стало именем.

В девятнадцать лет Камо присоединился к социал-демократам. В подпольной работегодились его находчивость, смелость, мгновенная реакция, умение ладить с людьми плюс природный авантюризм. Он умело распространял нелегальную литературу, создавал подпольную типографию. В ноябре 1903 года его арестовали, через девять месяцев выпустили. В декабре 1905-го, во время первой русской революции, в схватке с казаками он был ранен и вновь арестован. Просидел два с половиной месяца. Выдал себя за другого и вышел на свободу.

Боевиков Камо большевики использовали для «мокрых дел» – они убивали выявленных осведомителей охранного отделения полиции. Затем Камо поручили доставить в Россию купленное за границей оружие. Занимался этим Максим Максимович Литвинов, будущий главный советский дипломат – нарком иностранных дел.

Когда Литвинов оказался в эмиграции, то сразу сделал правильный выбор, определивший всю его дальнейшую жизнь – примкнул к Ленину. Владимир Ильич поручил ему денежные дела, усадил за бухгалтерские книги. Литвинов стал кассиром партии, причем очень скупым. Он завоевал доверие Ленина, и вскоре ему поручили более увлекательное, но не в пример опасное дело – транспортировку нелегальной литературы, а затем и оружия в Россию.

Литвинов отличался завидным мужеством и хладнокровием. Он несколько раз тайно приезжал в Россию. Царская полиция от своей заграничной агентуры заранее узнавала, что он приедет, за ним даже устанавливали наружное наблюдение, но он дважды умело уходил от слежки.

В 1906 году Литвинов открыл липовую контору в Париже. Выдавая себя за офицера эквадорской армии, он стал заказывать оружие – например, патроны в Германии, винтовки в Италии, пулеметы в Дании. В закупках оружия ему помогал болгарин Борис Спиридонович Стомоняков, который потом будет работать у него в Наркомате иностранных дел.

Приобрести оружие оказалось не таким уж сложным де-

лом. Но как доставить оружие на Кавказ, где томились без дела боевые группы социал-демократов? Литвинов решил действовать через болгар, объясняя им, что оружие предназначено для подпольной армянской организации, которая готовит восстание против нашего общего врага – турок. Литвинову помогли боевики из Внутренней македонской революционной организации, это одна из самых первых террористических групп в Европе.

Македонцы и болгары ненавидели турок и согласились помочь. Литвинов зафрахтовал яхту «Зора», Камо погрузил на нее партию винтовок, патронов и гранат. Под болгарским флагом яхта вышла в море, но экипаж преследовала неудача – во время шторма судно село на мель, и груз попал в руки румынских властей.

А Камо отчаянно нуждался в оружии, потому что ему была доверена важнейшая миссия – обеспечить большевиков. Оружие и взрывчатку раздобыл в Финляндии Леонид Борисович Красин, талантливый инженер, который научил Камо обращаться со взрывчаткой. С этим оружием группа Камо в ноябре 1906 года ограбила почтовый поезд в Чиатури. Украли двадцать одну тысячу рублей. Затем Камо организовал ограбление в Тифлисе.

Деньги он доставил в Финляндию и там отдал Ленину и Красину. Большевикам очень нужны были деньги. Содержание партии стоило немалых средств. Пожалуй, один только Владимир Ильич Ленин не нуждался, продажа отцовско-

го имения позволяла ему вести и на родине, и в эмиграции вполне достойный образ жизни.

Важнейшую роль в финансировании партии большевиков сыграл Леонид Борисович Красин, остроумный и талантливый человек, прекрасный инженер. Он занимался не только нелегальной покупкой оружия и изготовлением взрывчатки. Это он, в частности, убедил миллионера Савву Морозова и владельца мебельной фабрики на Пресне Николая Шмита передать большевикам огромные по тем временам деньги.

Николай Павлович Шмит в ночь на 13 февраля 1907 года скончался в Бутырской тюрьме, куда его посадили за поддержку революционеров.

Младший брат покойного Алексей Павлович Шмит отказался от своей доли наследства. Всеми деньгами распорядились сестры Шмита Екатерина и Елизавета. Большевики вступили в борьбу за его наследство. Борьба за эти деньги была долгой и аморальной, с использованием фиктивных браков.

Елизавета Шмит, которая была замужем за большевиком, отдала большевикам все свои деньги. Вторая сестра – Екатерина не хотела отдавать все, потому что у нее были обязательства перед рабочими сгоревшей мебельной фабрики. Большевики все-таки выбили из нее треть наследства.

Однако официально полученных денег было недостаточно. Красин пытался наладить производство фальшивых банкнот, даже раздобыл бумагу, но дальше дело не пошло. И

Ленин благословил создание боевых дружин и «боевые выступления для захвата денежных средств». Слово «грабеж» не использовалось, называлось это «экспроприацией». Ленин и произнес эту знаменитую формулу «грабь награбленное!». О чем, став главой правительства, сожалел. Не о том, что по его поручению совершались ограбления, а о том, что он высказался так откровенно.

Но воспользоваться деньгами, украденными Камо в Тифлисе, оказалось непросто. Деньги были в крупных, пятисотрублевых купюрах; их номера сразу же сообщили российским банкам. Расплачиваться этими купюрами было невозможно. Тогда их решили обменять за границей, благо в те времена рубль был свободно конвертируемой валютой.

Большевики думали, что иностранные банкиры окажутся менее бдительными, чем отечественные, предупрежденные полицией. Деньги вывезли в Париж, поменять их поручили Максиму Литвинову. Обмен должен был произойти 8 января 1908 года сразу в нескольких городах. Сам Литвинов отправился в банк вместе со своей помощницей Фанни Ямпольской.

Однако большевики недооценили царскую полицию, которая обратилась за помощью к европейским коллегам. Литвинова арестовали. Деньги у него конфисковали, но в причастности к ограблению его обвинить не могли.

К тому же за российского единомышленника вступились весьма влиятельные французские социалисты. Его освобо-

дили и даже дали возможность немного поработать в Париже, чтобы он накопил денег на билет до Лондона. Литвинов перебрался в Англию, где прожил десять лет и даже женился. В Лондоне он тоже ведал финансовыми делами партии.

Поскольку украденные в Тифлисе деньги обменять не удалось, Ленин распорядился остаток суммы просто сжечь, чтобы уничтожить следы. Так что кровавые труды Камо пропали даром.

А его самого арестовали в Германии по доносу провокатора – одного из многих агентов охранного отделения полиции среди большевиков.

Причем у Камо при обыске нашли чемодан со взрывчаткой и оружием. Немецкие социал-демократы бросились на его защиту, нашли ему адвоката. А Красин через адвоката посоветовал ему сыграть душевнобольного. Чтобы избежать выдачи в Россию, где его ждала смертная казнь, Камо симулировал буйное умопомешательство. Он делал это четыре года. Однажды пытался повеситься в тюремной камере, но надзиратели успели вовремя вытащить его из петли. А в другой раз вскрыл себе вены. И опять же надзиратели успели быстро вызвать врача.

Немецкие врачи сочли, что он болен, но его все равно передали российским властям. Военный суд в Тифлисе отправил Камо на новую экспертизу. Врачи признали его больным. Его перевели в психиатрическую больницу, откуда он бежал. Его переправили за границу, чтобы сбить полицию со сле-

да. Но он стремился назад. Он уехал во Францию, оттуда перебрался в Болгарию, потом в Константинополь, где хотел сесть на пароход, идущий в Батум. Его задержали турецкие власти, но отпустили. Он уехал в Афины и оттуда все-таки добрался до Кавказа.

В сентябре 1912 года Камо и его люди попытались ограбить почту на Коджарском шоссе. Это был настоящий бой. Погибли семь казаков и почти все люди Камо. Его самого арестовали, судили и приговорили к смертной казни. Но Камо попал под амнистию, объявленную по случаю трехсотлетия дома Романовых. Смертную казнь ему заменили двадцатилетней каторгой. Террористическая деятельность Камо закончилась.

Камо вышел на свободу после Февральской революции. Казалось бы, наступило его время. Его деятельная натура жаждала приключений. Но у него все складывалось как-то неудачно.

Осенью 1919 года его отправили в Грузию для организации терактов в республике, которая объявила себя самостоятельной. Послом в Грузии был Сергей Миронович Киров, он писал в Москву: где же Камо? Камо приехал, но его быстро арестовали и выслали. Он перебрался в Баку-Азербайджан тоже был самостоятельным. Развернуться Камо не успел. Красная армия вошла и в Грузию, и в Азербайджан.

Камо приехал к Ленину. Владимир Ильич предложил ему поучиться в Академии Генерального штаба. Камо отказался,

учиться он никогда не любил. Тогда Ленин отправил его к заместителю Троцкого в Реввоенсовете Эфраиму Марковичу Склянскому «как человека совершенно исключительной отваги, насчет взрывов и смелых налетов особенно».

Склянский дал возможность Камо сформировать диверсионный отряд. Камо среди прочего готовил и боевиков-камикадзе. Женщин, которых набирал себе в отряд, спрашивал: можешь привязать к животу бомбу, пройти в штаб белых и взорвать себя вместе с ними? Но диверсанты Камо не понадобились. Гражданская война окончилась.

Камо рвался за границу, обещал добить там убежавших врагов советской власти, а эсера Бориса Савиннова доставить живым. Но от услуг Камо, опасаясь его авантюризма, в разведке вежливо отказались.

Он вернулся в Грузию, где не знал, чем заняться. Осенью 1921 года его отправили инспектировать советские внешне-торговые учреждения в Персии. Потом поставили начальником Закавказского таможенного округа – бороться с контрабандой. Назначили заместителем наркома внешней торговли Закавказской Федерации.

Но в мирной жизни он не мог найти себя. Заполняя анкету, на вопрос: какие специальности знаете? – ответил: революционер. Подвергались ли репрессиям за партийную работу? – Арестован шесть раз, бежал три раза, приговорен четыре раза к смертной казни с заменой двадцатью годами каторжных работ... Это была опасная жизнь, но Камо хо-

тел жить опасно. Такова была его натура. А теперь ему оставалось только вспоминать боевое прошлое. Может быть, он слишком много рассказывал о том, что его боевой работой руководил сам Коба.

Однажды поздно вечером Камо возвращался домой на велосипеде. Неожиданно навстречу выскочила машина. Камо почему-то повернул не в ту сторону и оказался под колесами. Водитель отвез его в больницу, но медицина была бессильна. Через несколько часов Камо умер.

Это произошло 14 июля 1922 года.

Его смерть породила массу слухов, потому что в Тифлисе в те годы был всего десяток автомобилей. И как странно, что один из них сбил Камо. Многие подозревали, что его убрал Сталин. Но нет никаких фактов, подтверждающих эту версию.

Напротив, уже после похорон тогдашний помощник Сталина Амаяк Назаретян писал Серго Орджоникидзе: «Как дурачки погиб Камо. Как ждали его!» Судя по всему, в Москве Камо подыскивали какую-то крупную должность.

И до сих пор неизвестно, в какой степени Сталин руководил действиями Камо. Разговоры такие в партии ходили.

В апреле 1918 года лидер меньшевиков Юлий Мартов, избранный депутатом Моссовета и членом ВЦИК, обвинил Сталина в участии в экспроприациях.

Ссора большевиков с меньшевиками и произошла в немалой степени потому, что меньшевики были принципиальны-

ми противниками терактов и не давали Литвинову денег из кассы ЦК на оружие и боевиков. Меньшевики оказались правы, потому что действия боевых групп, как и следовало ожидать, выродились в обыкновенный бандитизм.

Мартов доказывал, что Сталин причастен к ограблению парохода «Николай I» в Баку и к нескольким убийствам. В ответ Мартова привлекли к суду революционного трибунала. Он ходатайствовал о вызове свидетелей, которые должны подтвердить его слова. Но так и не дождался ни конкретного ответа на свои обвинения, ни вызова свидетелей, которых он назвал. А вскоре Мартову пришлось навсегда покинуть Россию.

Сталин позаботился о том, чтобы даже воспоминания о его возможной причастности к этим уголовным операциям исчезли. Скажем, у Камо еще до его гибели чекисты забрали весь архив.

Сталинский стиль

25 октября 1917 года Иосиф Виссарионович Сталин-Джугашвили был включен в состав первого советского правительства в качестве наркома по делам национальностей как единственный член ЦК, интересовавшийся национальным вопросом.

В подготовке вооруженного восстания в октябре 1917 года Сталин не играл никакой роли, его участие в Гражданской войне было достаточно скромным. В стране его практически не знали. Но в качестве государственного чиновника он оказался на месте. Видных большевиков было вообще немного, в основном государственная работа у них не получалась. А Сталин принимал одну должность за другой и справлялся. Ему хватало для этого характера, воли и настойчивости.

Иосиф Джугашвили в юности писал стихи. Они даже печатались в газете «Иверия», которую издавал грузинский писатель и общественный деятель Илья Чавчавадзе.

Читатель может составить собственное представление о поэтических упражнениях молодого Джугашвили в современном переводе Льва Котюкова:

*Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
Под старый дубовый пандури*

*Нехитрый напев звучал.
В напеве его и в песне,
Как солнечный луч чиста,
Жила великая правда —
Божественная мечта.
Сердца, превращенные в камень,
Будил одинокий напев.
Дремавший в потемках пламень
Взметался выше дерев.
Но люди, забывшие Бога,
Хранящие в сердце тьму,
Вместо вина отраву
Налили в чашу ему.
Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!»*

Сталин обладал завидной памятью, умением быстро схватывать суть дела. Просто и доходчиво формулировал свои мысли. Академик Алексей Дмитриевич Сперанский восхищенно писал о Сталине: «Он не боится повторений. Мало того, он ищет их. Они у него на службе. Он, как гвоздем, прибивает к сознанию то, что является формулой поведения». Сталинский стиль узнаешь сразу.

Он умел много работать, находил толковых исполнителей, которые преданно ему служили.

Амаяк Назаретян в 1922–1923 годах возглавлял бюро сек-

ретариата ЦК, то есть личную канцелярию Сталина. 14 июня 1922 года он писал общему другу Серго Орджоникидзе, делаясь впечатлениями о работе со Сталиным:

«Ладим ли мы? Ладим. Не могу обижаться. У него можно многому поучиться. Узнав его близко, я проникнулся к нему необыкновенным уважением. У него характер, которому можно завидовать. Его строгость покрывается вниманием к сотрудникам. ЦК приводим в порядок. Аппарат заработал хоть куда, хотя еще сделать нужно многое...»

С Орджоникидзе Назаретян мог быть откровенен, поэтому открыто писал о Сталине:

«Коба меня здорово дрессирует. Прохожу большую, но скучнейшую школу. Пока из меня вырабатывает совершеннейшего канцеляриста и контролера над исполнением решений политбюро, оргбюро и секретариата. Отношения как будто не дурные. Он очень хитер. Тверд, как орех, его сразу не раскусишь. Но у меня совершенно иной на него взгляд теперь, чем тот, который я имел в Тифлисе. При всей его, если можно так выразиться, разумной дикости нрава, он человек мягкий, имеет сердце и умеет ценить достоинства людей.

Ильич имеет в нем безусловно надежнейшего цербера, неустрашимо стоящего на страже ворот ЦК РКП.

Сейчас работа ЦК значительно видоизменилась. То, что мы застали здесь, неописуемо скверно. А какие у нас на местах были взгляды об аппарате ЦК? Сейчас все перетряхнули. Приедешь осенью, увидишь.

Но все же мне начинает надоедать это «хождение под Сталиным». Это последнее модное выражение в Москве касается лиц, находящихся в распоряжении ЦК и не имеющих еще назначения, висящих, так как сказать, в воздухе, про них говорят так: «ходит под Сталиным». Правда, это применимо ко мне наполовину, но все же канцелярщина мне по горло надоела. Я ему намекал. Ва, говорит, только месяц еще. Потом...»

Амаяк Маркарович Назаретян после Гражданской войны был вторым секретарем Кавказского бюро ЦК, которым руководил Орджоникидзе. Он и рекомендовал Назаретяна Сталину. В 1922 году Назаретяна утвердили первым помощником генерального секретаря ЦК и заведующим бюро секретариата ЦК. Под началом Назаретяна работали остальные помощники Сталина – Иван Павлович Товстуха, Григорий Иосифович Каннер, Лев Захарович Мехлис.

Назаретян, судя по отзывам знавших его людей, вполне справлялся с работой. Но, видимо, был слишком самостоятелен и, главное, не выказал личной преданности, которую Сталин более всего ценил в окружавших его работниках. Через два года Сталин отправил его назад в родной Тифлис, назначив вторым секретарем Закавказского крайкома...

Сталин преобразил партийный аппарат.

Дмитрий Андреевич Фурманов, в Гражданскую войну комиссар Чапаевской дивизии, восславивший Василия Ивановича, 23 апреля 1925 года записал в дневнике восторженные

впечатления от посещения ЦК:

«Сами мраморные колонны скажут тебе, что дело здесь крепкое. Туго двери открываются в Цеку: всей силой надо приналечь, чтоб с воли внутрь попасть. Вошел. Два вечных – днем и ночью – два бессменных, очередных часовых: ваш билет? Нет? Пропуск. Потрудитесь взять у коменданта. Обращение рассчитано на международные визиты: самому покойнику Керзону не к чему придраться. И думаю я: «Это наши-то, сиволапые? Ну и ну!»

Пропуск-билет провел меня сквозь строй. Я у лифта. Забились втроем в кабину и промеж себя:

– Вам куда? А вам? А вы, товарищ? Я в агитпроп; я в отдел печати...

Или не попал я в ящик – мчу по массивным лестницам скоком, бегом, лётом, пока не смучаюсь на четвертом этаже...

Я забираюсь все выше, выше – мне надо на шестой этаж. Миную агитпроп, отдел печати, приемную секретарей ЦК – там тишина изумляющая. Дохожу. Пройду по коридорам, где ковры, где такая же, как всюду, тишь и чистота. Да, ЦК – это штука! Это настоящая и сильная штука! Какая тут мощь – в лицах, в походи, в разговорах, в самой работе, во всей работе этого гиганта, этого колосса-механизма! Какая гордость и восторг охватывают тебя, когда увидишь, услышишь, почувствуешь эту несокрушимую мощь своего штаба. Идешь и сам могучий в этом могущественном приюте отчаянных,

на все решившихся людей, не дорожащих ничем – ничем не дорожащих ради того, чтоб добиться поставленной цели. Да, это дело. Это штука.

Здесь не пропадешь – тут воистину в своем штабе! Эх, ЦК, ЦК: в тебе пробудешь три минуты, а зарядку возьмешь на три месяца, на три года, на целую жизнь...»

Фурманов писал это искренне, безо всякой иронии. Он восторгался новым партийным штабом.

Став генеральным секретарем ЦК партии, Сталин быстро овладел основными механизмами управления и сделался совершенно незаменимым человеком. Именно поэтому он вскоре стал позволять себе дерзить и возражать Ленину.

Уверенный в себе Ленин до определенного момента не обращал на это внимания. Сталин ему нравился – твердый, решительный, последовательный. Неслучайно Ленин именно Сталина поставил на пост генерального секретаря, когда в апреле 1922 года пленум ЦК учредил эту должность. Владимир Ильич полагал, что подыскал себе нового помощника, исполнителя его личных поручений, какими были предыдущие секретари ЦК – Яков Свердлов, Николай Крестинский, Вячеслав Молотов.

Даже став генеральным секретарем, Сталин не был первым человеком в партии. При Ленине в чиновничьей иерархии он занимал третье место – после Ленина и Троцкого. Об этом свидетельствует рассылка партийных и правительственных документов. Скажем, на секретных материа-

лах Главлита (цензура) значилось: «Настоящий бюллетень разослан следующим товарищам: 1. Тов. Ленину. 2. Тов. Троцкому. 3. Тов. Сталину. 4. Тов. Каменеву...»

Ленин исходил из того, что секретариат ЦК – это технический орган. Собственных решений секретариат не принимал. И выбирали в секретари ЦК неамбициозных исполнителей.

Но в Сталине Владимир Ильич сильно ошибся. Сталин быстро вошел во вкус государственной работы. Он с самого начала оценил значение секретариата и оргбюро ЦК, которые ведали кадрами – а «кадры решают все». Судьба и карьера любого чиновника в стране зависела от аппарата ЦК. Избрание местных партийных секретарей прекратилось. Голосование стало формальностью – секретарей присылал из Москвы Сталин.

В одном из писем Лазарю Моисеевичу Кагановичу он объяснил один из постулатов успеха в политике:

«Нельзя зевать и спать, когда стоишь у власти!»

Сталин завоевал сердца провинциальных партийных чиновников своей программой, против которой выступали Ленин и Троцкий, – поставить партию над государством, всю власть в стране передать партийному аппарату.

В какой-то момент Ленин спохватился, увидев, что Сталин не просто ведет самостоятельную линию, а прямо действует против Владимира Ильича. Старые соратники Зиновьев и Каменев, плохо разбиравшиеся в людях, тогда угова-

ривали Ленина: Сталин еще молодой, мы все уладим... Он имел дело с политическими детьми, как выразился один историк, с людьми, которые не понимали, что такое политика. И они считали Сталина посредственностью!

Сталин с необыкновенной легкостью менял свои принципы, отказывался от вчерашних убеждений, заводил интриги, натравливал своих соперников друг на друга. Он заключил союз с Зиновьевым и Каменевым, чтобы убрать Троцкого. Он вступил в союз с Бухариным и Рыковым, чтобы избавиться от Зиновьева и Каменева. Он обратился к старым членам ЦК, чтобы свалить Бухарина и Рыкова, а потом их всех расстрелял.

И мало кто тогда мог распознать истинный характер Сталина, хотя, казалось бы, все было на поверхности.

Военный моряк Федор Федорович Раскольников, сыгравший большую роль и в революции, и в Гражданской войне, в мирное время стал дипломатом.

«Вскоре после моего возвращения из Афганистана, зимой 1923–1924 годов, – писал Раскольников, – когда я жил в наркоминдельском особняке, я как-то вечером вернулся домой.

– Вам звонил товарищ Сталин. Он просил вас приехать в Кремль, – передал мне служитель.

Я тотчас же вытребовал из автобазы Наркоминдела дежурную машину, сел на промерзшее клеенчатое сиденье и поехал в Кремль. Сталин жил, как Робеспьер, с пуританской

простотой и нетребовательностью в маленьком двухэтажном выбеленном домике, прислонившемся к крепостной стене, около Троицких ворот.

Квартира Сталина была на втором этаже. В небольшой столовой сидели Сталин и Буденный. Сталин взял со стола бутылку кавказского хереса и налил мне полный стакан.

– Спасибо, Иосиф Виссарионович. Я водки не пью, а вино пью, – поблагодарил я гостеприимного хозяина.

– Я тоже не пью водки, – ответил он и начал подробно спрашивать меня об Афганистане, который, как все страны Востока, его очень интересовал.

Когда я рассказал ему о смерти в Кабуле турецкого политического деятеля Бедрибея, который, по слухам, был отравлен, то Сталин лукаво подмигнул Буденному, который молча пил херес, и сказал:

– Видите, как там кончаются дискуссии.

Буденный взглянул ословелыми глазами и кивнул головой. В то время была в разгаре дискуссия с троцкизмом. Я спросил мнение Иосифа Виссарионовича о перспективах дискуссии.

– Все перемелется – мука будет. Вот именно мука, – сказал Сталин и, сморщив нос, беззвучно расхохотался, обнажив крупные, здоровые, сильные зубы хищного зверя».

Искусство быть вождем

Сталин расширил состав ЦК за счет своих сторонников с мест и превратился в хозяина партии. Это был один из главных его лозунгов – обновление руководства партии за счет партийного молодняка. Высшие должности занимали люди, которые своим восхождением были обязаны не собственным заслугам, а воле Сталина. Они боготворили его. Молодые партийные секретари помогли Сталину избавиться от старых большевиков.

Почему именно Иосиф Виссарионович оказался во главе страны? Не стоит забывать, что целый слой сильных политиков, ярких личностей в 1917 году оказался в проигравшем лагере. Они были либо уничтожены в Гражданской войне, либо бежали из России.

А среди большевиков были только три настоящих политика – Ленин, Сталин и Троцкий. Остальные были либо митинговыми революционерами, либо литературными работниками, либо хозяйственными руководителями. Оспорить лидерство Сталина не мог ни один из них.

Кроме того, Сталин учился и многое в себе изменил.

«Сталин ничего не читает. Разве можно представить его с книгой в руках?» – говорил в начале 1924 года Карл Радек. Сталин изменился, он стал читать, когда понял, что ему это необходимо.

Он был щедро наделен качествами, которыми природа обделила других советских руководителей, – решительностью и жестокостью. Только не все это сразу заметили.

В квартире поэта Демьяна Бедного, которая была чем-то вроде клуба для высших сановников, Федор Шаляпин впервые увидел Сталина:

«Я не подозревал, конечно, что это – будущий правитель России, «обожаемый» своим окружением. Но и тогда я почувствовал, что этот человек в некотором смысле особенный. Он говорил мало, с довольно сильным кавказским акцентом. Но все, что он говорил, звучало очень веско – может быть, потому, что это было коротко.

– Нужно, чтоб они бросили ломать дурака, а здэлали то, о чем было уже говорэно много раз...

Из его неясных для меня по смыслу, но энергичных по тону фраз я выносил впечатление, что этот человек шутить не будет. Если нужно, он так же мягко, как мягка его беззвучная поступь лезгина в мягких сапогах, и станцует, и взорвет храм Христа Спасителя, почту или телеграф – что угодно. В жесте, движениях, звуке, глазах – это в нем было. Не то что злодей – такой он родился».

Завещание Ленина, как его ни толкуй, содержало только одно прямое указание: снять Сталина с должности генсека, остальных партийных вождей менять не надо, хотя Ленин и указал недостатки каждого из них. Но Сталин – единственный, кто остался на своем месте, уничтожив других.

Писатель Корнелий Люцианович Зелинский со слов Александра Фадеева и Петра Павленко передал разговор, который состоялся осенью 1932 года на квартире у Горького на встрече писателей со Сталиным и другими руководителями партии.

Писатели попросили Сталина рассказать что-то о Ленине.
«Подвыпивший Бухарин сказал:

– Расскажи, как Ленин просил у тебя яд, когда ему стало совсем плохо, и он считал, что бессмысленно существование, при котором он точно заключен в склеротической камере для смертников – ни говорить, ни писать, ни действовать не может. Что тебе тогда сказал Ленин, повтори то, что ты говорил на политбюро.

Сталин неохотно, но с достоинством сказал, отвалившись на спинку стула и расстегнув свой серый френч:

– Ильич понимал, что он умирает, и он действительно сказал мне – я не знаю, в шутку или серьезно, но я вам рассказал как серьезную просьбу, – чтобы я принес ему яд, потому что с этой просьбой он не может обратиться ни к Наде, ни к Марусе. «Вы самый жестокий член партии» – эти слова Сталин произнес даже с оттенком некоторой гордости».

Сталин потрясал посетителей фантастическими познаниями в разных областях жизни. Причем казалось, что он все это знает давным-давно. Никто не догадывался, что Сталин тщательно готовился к каждой встрече и каждому заседанию. Секрет раскрыл один инженер уже в наши годы. На-

кануне большого совещания Сталин пригласил этого инженера к себе и долго расспрашивал обо всех достоинствах и недостатках важного изобретения. А на следующий день поразил участников всесоюзного совещания своими техническими познаниями.

Нарком тяжелого машиностроения Вячеслав Александрович Малышев был потрясен, когда на заседании Комитета обороны Сталин заговорил о недостатках новой самозарядной винтовки (СВТ-40):

«Многие из присутствующих удивились, так как знали, что винтовка хорошая и сам т. Сталин давал ей хорошую оценку.

– Да, – повторил Сталин, – винтовка имеет дефекты. Штык у нее тупой.

Тов. Ворошилов стал возражать, что нет, не тупой. Тогда т. Сталин приказал принести винтовку, подозвал несколько человек из сидящих на заседании к себе и предложил посмотреть на штык. Действительно, заточка штыка была не совсем удачная и штык был туповат. Тов. Сталин тут же набросал чертежик штыка, отметил те места, где нужно заточить штык, и передал чертежик т. Ванникову, наркому вооружения».

Трудно представить себе, что генеральный секретарь у себя в кабинете разбирает винтовку и проверяет, хорошо ли заточен штык. Как человек, не имеющий технического образования, он едва ли мог самостоятельно сделать чертеж и

тем более давать инженерам советы относительно технологии заводской заточки штыков... Похоже, кто-то из специалистов обратил его внимание на недостатки новой винтовки, объяснил, что нужно сделать, и даже нарисовал чертежик.

Но вместо того, чтобы сослаться на этого специалиста, вождь предпочел блеснуть своими неожиданными познаниями. Ему нравилось, когда его именовали корифеем всех наук.

Он не хотел, чтобы кто-то видел в нем обычного человека. Для других он мог быть только вождем. Эту роль он играл талантливо и убедительно. Он был прирожденным актером и никому не позволял заглядывать за кулисы.

Писательница Галина Серебрякова пишет, что Сталин удивил ее «низким ростом, щуплостью и узкогрудостью. Чрезвычайно изрытая оспой кожа на его лице была какого-то серо-кирпичного оттенка. Низкий, заросший, как бы «надвинутый» на брови лоб и свисающий нос придавали лицу грубое, жестокое выражение...» И при такой неудачной внешности Сталин заставил восхищаться собой всю страну.

Это было особое искусство. Федор Шляпин говорил об этом:

«Надо иметь талант не только для того, чтобы играть на сцене; талант необходим для того, чтобы жить. Оно и понятно. Роль человека в жизни всегда сложнее любой роли, которую можно только вообразить на театре.

Если трудно сыграть на сцене уже начертанную фигуру

того или иного человека, то еще труднее, думаю я, сыграть свою собственную роль в жизни. Если я каждую минуту проверяю себя, так ли пошел, так ли сел, так ли засмеялся или заплакал на сцене, то, вероятно, я должен каждую минуту проверять себя и в жизни – так ли я сделал то или это? Если на сцене даже отрицательное должно выглядеть красиво, то в жизни необходимо, чтобы все красиво выходило...

Надо уметь играть царя. Огромной важности, шекспировского размаха его роль. Царю, кажется мне, нужна какая-то особенная наружность, какой-то особенный глаз. Все это представляется мне в величавом виде. Если же природа сделала меня, царя, человеком маленького роста и немного даже с горбом, я должен найти тон, создать себе атмосферу – именно такую, в которой я, маленький и горбатый, производил бы такое впечатление, как произвел бы большой и величественный царь. Надо, чтобы каждый раз, когда я делаю жест перед моим народом, из его груди вырывался возглас на все мое царство:

– Вот это царь!

А если атмосфера не уяснена мною, то жест мой, как у бездарного актера, получается фальшивый, и смущается наблюдатель, и из гущи народа сдавленно и хрипло вырывается полушепот:

– Ну и царь же!

Не понял атмосферы – провалился».

Сталин не провалился. Он умел внушать любовь, благо-

говение и страх.

Галина Серебрякова продолжала свое описание встречи со Сталиным в Большом театре в Москве во время постановки «Князя Игоря»:

«Маленькие, с желтыми белками глаза излучали необыкновенную силу, впивались, жгли, гипнотизировали...

Необъяснимое чувство тревоги перед этим рябым не улыбочивым человеком все нарастало во мне. Равнодушно пожав мою руку и неторопливо вынув изо рта трубку, он заговорил с кем-то рядом. Затем первым прошел в ложу, сел в уголке один и, казалось, весь отдался чарам гениальной увертюры Бородина.

Много в годы молодости встретилось мне людей, знаменитых и неведомых, недюжинных и посредственных, разных, и, однако, ни один не произвел такого большого и вместе с тем тягостного впечатления, как Сталин. И несомненно одно: это ощущение возникло не теперь, после всего пережитого, оно зародилось в минуты первой встречи и определить его можно только одним словом – смятение...»

Безумно боялись и всех, кто был у Сталина в фаворе. Они на время получали частицу его безграничной власти.

Сталин понимал, что правитель должен быть загадочен. Таинственная краткость и сдержанность, царственная величавость, неспешность движений, скупость жестов и недосказанность повышают авторитет власти. Поэтому он принимал ограниченный круг людей, почти не ездил по стране, редко

выступал.

22 июня 1926 года Оржоникидзе писал Кирову из Тифлиса:

«Дней тринадцать Сосо был у нас. Время провели не очень плохо, только извели его приставанием выступить. Один раз удалось его форменно изнаsilовать и заставить выступить в железнодорожных мастерских. Народу было не меньше шести-семи тысяч. Встретили его великолепно. В Баку не удалось затащить – побоялся выступления, а надо было».

Считалось, что главный талант Ленина – невероятный дар упрощения. Сталин в этом смысле был еще талантливее.

Серые и малограмотные партийные чиновники слушали его как оракула. Они ощущали себя полными ничтожествами в его присутствии, боялись его. И вместе с тем понимали, что без него лишатся своих хлебных мест, что если бы у власти оказались другие люди, то нашли бы себе более толковых и способных помощников. Поэтому партийные секретари и аппаратчики горой стояли за Сталина.

А он ловко манипулировал своей гвардией, периодически пугая их своей отставкой. Но они и помыслить себе не могли жизни без вождя.

На апрельском объединенном пленуме ЦК и ЦКК в 1929 году глава правительства Алексей Иванович Рыков, который возражал против сталинского курса на ускоренную коллективизацию, то есть ограбление деревни, продемонстрировал

записку Сталина, написанную 27 декабря 1926 года:

«Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту».

Голос из зала:

– А он подчинился ЦК или нет?

Рыков ответил:

– Меня спрашивают, подчинился ли он ЦК или нет. Ну, я думаю, он для того и подавал в отставку, чтобы «подчиниться».

Зал засмеялся. Каганович бросился на помощь вождю:

– Это остроумно, но неумно.

На пленуме ЦК 19 декабря 1927 года Сталин опять завел речь об отставке:

– Уже три года прошу ЦК освободить меня от обязанностей генерального секретаря ЦК. Пленум каждый раз мне отказывает. Я допускаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту как человека более или менее крутого, представляющего известное противоядие от опасностей со стороны оппозиции. Я допускаю, что была необходимость, несмотря на известное письмо товарища Ленина, держать меня посту генсека. Но теперь эти условия отпали. Отпали, так как оппозиция теперь разбита. Стало быть, теперь уже нет налицо тех оснований, которые можно было бы считать правильными, когда пленум отказывался уважить мою просьбу. Эти особые

условия отпали теперь, и пора принять к руководству указание товарища Ленина. Уверяю вас, товарищи, что партия только выиграет от этого.

Но Сталин твердо знал, чем закончится голосование на пленуме. Только один человек воздержался, остальные проголосовали за переизбрание Сталина генеральным секретарем.

Вождь не скупился на похвалы своим опричникам. Перед войной половина секретарей ЦК национальных республик, краев и областей и две трети секретарей горкомов и райкомов не имели даже среднего образования. Но Сталин широким жестом причислил весь партийный аппарат к интеллигенции.

Выступая на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда 1 октября 1938 года, Сталин говорил:

– Все наши люди состоят из интеллигенции, это надо вбить в голову. Интеллигенция у нас должна быть солью земли. Раньше издевались над интеллигенцией, что она считает себя солью земли, а на самом деле пустышка, потому что она служила не земле, а небу, не народу, а эксплуататорам. У нас, наши кадры, мало сказать, что они бывшие рабочие, бывшие крестьяне. Коль скоро товарищ Шкирятов ушел от станка и стал заниматься в Центральной контрольной комиссии, вы уже интеллигент. Я извиняюсь (смех в зале). Никому дела нет, кем вы были десять лет тому назад, а вы сейчас интеллигент.

Шкирятов с готовностью откликнулся:

– Правильно, товарищ Сталин, я с вами согласен...

Сталин нашел самый фантастический пример нового интеллигента. Матвей Федорович Шкирятов, которого вождь, извинившись, назвал интеллигентом, тридцать лет служил по ведомству партийной инквизиции. Мало того, что он был безжалостен и жесток, Матвей Федорович никогда не учился и был настолько безграмотен, что его было трудно понимать.

Сохранилось его письмо Орджоникидзе (с сохранением авторской орфографии и пунктуации), в котором Шкирятов делится впечатлениями от летнего отдыха совместно с Ворошиловым и от своей мужественной борьбы с внутрипартийной оппозицией:

«Здравствуй дорогой Серго.

Пишиш и и не знаеш прочтеш ли, буду надеяться, что прочтеш. Дорогой Серго как плохо, что тебе нет вообще в данное время. Я уже работаю несколько дней, отдых провел все время с Климом, хорошее зее кончили с удовольствием. Трепались в Крыму, приехал среду, окунулся в работу, а работы сейчас так много и не легкая. Я знаю как ты там переживает все эти события происходящие здесь.

Дорогой Серго. Что они делают. Еслим был пириод когда они скрывали, что они ведут фракции работу, то в данное время этого уже нет. Они не скрывают и привлекают к своей работе всякого, лиш был бы против ЦК. Они борются всяческими способами чтобы подорват авторитет к парти и рас-

шатат ея дисциплину...»

Поразительным образом Сталин производил впечатление и на более просвещенные умы, чем те, что трудились в партийном аппарате.

– Иосиф Виссарионович, – говорил о нем Александр Фадеев, – как известно, был большим артистом и по-разному мог разговаривать – и с подковыркой, а когда нужно, мог и так человека увлечь, так приласкаться, такой натурой показаться, что, кажется, ты ему должен всю душу доверить.

Корней Иванович Чуковский описал в дневнике, как 22 апреля 1936 года они с Борисом Леонидовичем Пастернаком встретились на съезде комсомола. Вдруг появился Сталин.

«Что сделалось с залом! – писал Чуковский. – А ОН стоял, немного утомленный, задумчивый и величавый. Чувствовалась огромная привычка к власти, сила и в то же время что-то женственное, мягкое.

Я оглянулся: у всех были влюбленные, нежные, одухотворенные и смеющиеся лица. Видеть его – просто видеть – для всех нас было счастьем. К нему все время обращалась с какими-то разговорами Демченко (Мария Софроновна – колхозница, известный в те годы человек. – *Авт.*). И мы все ревновали, завидовали – счастливая! Каждый его жест воспринимали с благоговением. Никогда я даже не считал себя способным на такие чувства.

Когда ему аплодировали, он вынул часы (серебряные) и показал аудитории с прелестной улыбкой – все мы так и за-

шептали: «Часы, часы, он показал часы» и потом, расходясь, уже возле вешалок вновь вспоминали об этих часах.

Пастернак шептал мне все время о нем восторженные слова, а я ему, и оба мы в один голос сказали: «Ах, эта Демченко, заслоняет его!» (на минуту).

Домой мы шли вместе с Пастернаком и оба упивались нашей радостью...»

При этом вождь не хотел, чтобы чужие люди интересовались его прошлым. Не потому, что хотел скрыть нечто опасное. Такова логика диктатора. В этом смысле он был очень похож на Гитлера. Фюрер никому не позволял интересоваться его биографией и постоянно повторял: «Людям не надо знать, кто я... откуда я и из какой семьи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.